

СРЕДСТВА СИМВОЛИЗАЦИИ В РАСКРЫТИИ ХАРАКТЕРОВ ПЕРСОНАЖЕЙ-МУЖЧИН В ДРАМАТУРГИИ М. РЫБАКОВА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ*

Т. Н. БЕЛЯЕВА,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии
Института национальной культуры и межкультурной коммуникации
ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»
(г. Йошкар-Ола, РФ)*

Героические события Великой Отечественной войны всегда привлекали писательское внимание. В марийской литературе они явились сердцевиной, пафосом новаторских исканий писателей второй половины XX в. Драматургия М. Рыбакова в этом плане особенная, человековедческая: она направлена на раскрытие не столько внешних событий, сколько внутреннего мира персонажей, сложных коллизий между самобытными характерами. Его творчество вообще отличается постоянным поиском новых тем, образов, сценических приемов.

Особое место среди произведений М. Рыбакова занимает драматургическая трилогия «Солдатка» («Салтак вате», 1969), «Хлеб» («Кинде», 1970), «Онтона» (1972), за которую он получил премию Марийского комсомола им. Олыка Ипая (1974). Суровые будни войны, самоотверженный подвиг тружеников тыла (женщин, матерей, стариков, детей), героизм советских солдат, послевоенное мирное строительство, восстановление сельского хозяйства составили содержание драм. Значительный временной промежуток позволяет детально проследить перипетии судеб персонажей. Дра-

матург сделал серьезную заявку на глубокий анализ жизненных проблем советского периода, но авторская заданность, дидактизм, схематизм в изображении героев, событий нередко имели следствием сглаживание реальных противоречий. Писательская опека Онтона: создание исключительных условий, введение символического образа хлеба – породила образ идеального героя, но не идейного борца.

«Попробуй хлеб, испеченный в честь твоего победного возвращения. Пусть твоя дальнейшая жизнь будет такой же яркой, как этот каравай хлеба! Сегодня, попробовав этот хлеб от нового урожая, позабыв горести, начнем новую жизнь!» – такими словами старик Епрем встречает вернувшегося с войны Янаша Онтона¹[4, 76–77]. Хлеб, заданный в «рукотворной» семантике (каравай хлеба), является символом гостеприимства марийского народа. В таком контексте хлеб – это и символ душевного единения людей, знак уважения фронтовиков. Несмотря на голод, который принесла только что отгремевшая война, односельчане встречают Онтона со свежее испечен-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.

¹ Здесь и далее при цитировании драматургических текстов подстрочный перевод с марийского языка наш. – Т. Б.

ным караваем хлеба, выражая таким образом благодарность и уважение к нему за подвиги, доблестное служение народу.

Новый урожай хлеба в руках солдата – символ мирной, новой жизни; символ ожидания счастливого будущего людей военного времени; символ большой и малой родины, которую удалось отстоять; символ героических усилий ее защитников на фронтах и в тылу: «К забору огорода в это время подошел Янаш Онтон. На нем новая солдатская одежда, погоны старшины. На груди кителя сияют ордена и медали. В руках горсть спелых ржаных колосьев.

Я н а ш О н т о н (гордясь). Счастье-то какое, друзья! Уродился новый урожай! Это мирный хлеб послевоенного времени! (Понюхав колосья ржи). А запах-то, вкус-то какой! Это запах родной стороны!» [4, 76]. Хлеб в данном случае – это символ самой жизни. Без него не будет жизни, устами Онтона говорит автор. Косвенная ассоциация Онтон с образом хлеба акцентирует положительные качества характера главного героя, подчеркивая его идеальность.

Онтон – обобщенный герой, воплощающий в себе героизм, страдание, подвиг народов России в Великой Отечественной войне. Показательным является эпизод драмы, в котором пожилая слепая женщина обращается к Онтону за помощью и присутствующие при этой сцене люди отдают ей свой хлеб. Застывшими глазами она смотрит прямо перед собой, дрожащими руками поглаживает хлеб – драгоценный дар добрых людей. Доброта народа, способного в самое трудное время отзываться на чужую беду, выражена автором почти без слов.

Символический образ хлеба в одноименной пьесе М. Рыбакова оказывается многогранным как в плане образной конкретики (колосья ржи, урожай, зерно, испеченный хлеб), так и в плане семантики (героизм простого советского солдата; символ победы, родины, счастливого будущего, богатства и жизни, народного гостеприимства и доброты) –

недаром он вынесен в заглавие произведения.

В марийской драматургии второй половины XX в. одним из наиболее часто встречающихся фитоморфных образов-символов является яблоня. В пьесах М. Рыбакова она символизирует не просто определенный тип изображенного в произведении человека, но и его чувства, эмоционально-духовное состояние. С этим образом соотносятся глубина чувств персонажей произведений, светлые взаимоотношения между ними, красота и молодость. Например, главные героини драмы «У чертова оврага» («Керемет корем воктене», 1962) – Начи и Павел – посадили яблоневое дерево в знак своей любви, искренности чувств и преданности друг другу. Деревце напоминает находящимся в разлуке влюбленным друг о друге, они доверяют ему свои самые сокровенные мысли, переживания. «Показательно, что вместе с испытаниями, которые выпадают на долю героев, яблоня тоже претерпевает изменения, вынуждена по-своему переносить страдания» [3, 255]. В конце первого акта дерево будет безжалостно сломано, но оно не погибнет и вновь расцветет. В пьесе все недопонимания, возникшие по вине Ивана, сломавшего дерево, благополучно разрешаются. В суровые годы Великой Отечественной войны любовь Павла и Начи выдерживает все испытания. Так и яблоня: она приносит плоды (яблоки), пускает корни для новой жизни (рядом с ней вырастает еще одна яблоня).

«П а в е л (показывая на яблоню). А вот и наша яблоня! Видишь, не высохла, даже дала плоды! Она, как и наша любовь, – никакая злая сила ее не сможет иссушить, погубить!

Н а ч и (ласково). А рядышком вырастает другая маленькая яблоня» [5, 212].

Маленькая яблоня в пьесе – это образ другого персонажа-мужчины: подрастающего сына героев, а шире и точнее – это символ продолжения рода. В данном случае символизация основана на природно-возрастной составляющей фитоморфного образа.

Другой символический образ – овраг, вынесенный в заглавие драмы. Он раскрывает внутреннюю сущность персонажей-мужчин: Ивана и Павла.

Драматургия М. Рыбакова особенная, человековедческая: она направлена на раскрытие не столько внешних событий, сколько внутреннего мира персонажей, сложных коллизий между самобытными характерами. Его творчество вообще отличается постоянным поиском новых тем, образов, сценических приемов.

Овраг в пьесе всем причиняет неудобства: затрудняет переход, в его болотах и топи теряются коровы, телята и т. д. В марийской мифологии Керемет – младший брат Юмо (Бога), главный злой дух, свергнутый с небес за гордость. По мнению К. И. Ситникова, составителя Словаря марийской мифологии, это «присущее большинству народов Среднего Поволжья и Прикамья, находившихся под влиянием Волжской Булгарии. Видимо, первоначально Керемет мыслился как зооморфное божество – покровитель рода... У чуваш киреметь – старший сын Верховного Бога, разрезавший в колеснице по земле, водворявший повсюду довольствие, но убитый людьми и за то озлобленный на них» [6, 52]. Керемет, находясь в непосредственной близости от людей, как отмечает марийский культуролог Г. Е. Шкалина, «...мог наслать болезни и мор, неудачу в охоте и в рыболовстве, падеж скота. Его нужно было задабривать: посвящать ему рощи (Керемет ото) и также приносить жертвы (жеребенка, теленка, утку, курицу, свечу)» [7, 66]. Керемет считается властелином воды и земли, устанавливает порядок, истину, гармонию экосистемы, поэтому его зло может обернуться и добром. Неудивительно, что именно овраг в драме М. Рыбакова стал причиной разногласий, споров и даже вражды; это «своеобразный образ-символ границ добра и зла, правды и лжи, мерило чести и сове-

сти. И от того, кто и как построит мост через этот овраг, зависит, на чьей стороне победа» [2, III].

Иван и Павел – два друга, окончившие Московский строительный институт, хотя построить мост через чертов овраг. Павел – честный, ответственный и искренний человек в отличие от лицемерного, насквозь пропитанного фальшью, низкого и грязного в своих поступках и мыслях Ивана. Они воплощают в себе две противоположные жизненные позиции. Конфликт, возникший между ними на личной основе из-за девушки Начи, постепенно приобретает общественный, морально-нравственный характер.

Иван намеренно трижды «переходит дорогу» Павлу. В первый раз, когда клеветает на него, чтобы жениться на Начи. Неожиданный приезд Павла разрушает все его планы: Павел и Начи разоблачают ложь Ивана и вступают в брак. Во второй раз, когда на фронте, боясь смерти, стреляет в Павла, ранит сам себя и «героем» возвращается с войны. В третий раз, когда пытается присвоить проект Павла по строительству моста через чертов овраг. Неискренность Ивана проявляется и в отношении к Начи, мнимой женитьбе на когда-то им же обманутой невесте Валентине (когда выясняется вся правда о существовании их ребенка).

Овраг как символический образ разделяет персонажей на два противоположных по жизненным устремлениям и убеждениям лагеря: в одном – духовно богатые, нравственно чистые Павел и Начи, в другом – лицемерный, эгоистичный Иван. Но справедливость восторжествует: «добро побеждает зло». Заглавная символика пьесы способствует раскрытию характеров персонажей-мужчин, основной идеи произведения: человек всегда должен быть честен перед своей совестью, обществом, родиной и близкими ему людьми; правда и добро (главные мерила духовной ценности человека) всегда торжествуют.

Таким образом, на символическом образе оврага в драме М. Рыбакова «У чер-

това оврага» держится как конфликтная динамика, так и иерархия образов персонажей.

В драме М. Рыбакова «Моркинские напевы» («Морко сем», 1967) символический музыкальный образ напевов характеризует творческую одаренность главного героя, его внутреннюю стойкость, а также раскрывает героизм и мужество фронтовиков и тружеников тыла в тяжелые годы Великой Отечественной войны. За эту пьесу драматург был удостоен звания лауреата Государственной премии Марийской АССР.

Основное действие произведения происходит на моркинской стороне марийского края. Главный герой, Михаил Степанов (Миклай), временно работая в колхозе, мечтает стать командиром Красной армии, выучиться и стать хорошим музыкантом, чтобы радовать песнями своих односельчан, любимую девушку Манюк. Веселые моркинские наигрыши Миклая в первой картине пьесы передают мирную, безмятежную жизнь молодежи в марийской деревне. Кроме того, лирические песни гармониста раскрывают его нежные чувства к девушке.

Отец Миклая мечтал видеть сына музыкантом, в детстве купил ему гармошку, научил играть, но война разрушила эти планы. Миклай вместе с отцом уходит на фронт. Напоследок он сыграет свои любимые «Моркинские напевы». Заданный в начале произведения музыкальный фон красной нитью проходит через всю пьесу. Мелодия символизирует духовное богатство героя и появляется в тексте при изображении переломных моментов жизни: с ней провожают его на фронт, под нее он хоронит отца и чудом не погибает сам (навсегда остается слепым). Миклай не сломался лишь благодаря стойкости духа, поддержке врачей и друзей.

Мелодия родной стороны исцелила израненную душу Миклая, в доме инвалидов его занятия музыкой продолжают. Боясь быть отвергнутым возлюбленной Манюк, он не признается ей в своем

недуге. Думается, поэтому даже тогда, когда музыка становится для него смыслом жизни, Миклай не обретает долгожданного душевного покоя и ощущения счастья. Каждый раз, выходя встречать воинские эшелоны, он надеется успокоиться, встретив фронтовых друзей, земляков. Исполняемые при этом наигрыши свидетельствуют о сильной внутренней борьбе в душе героя – об отчаянии и надежде.

Символические образы в драматургии М. Рыбакова о Великой Отечественной войне помогают раскрыть внутренний мир персонажей-мужчин, выявить интерес писателя к общему в разных лицах, к социальной психологии.

Однажды Миклай, наигрывая «Моркинские напевы», встретил земляку-фронтовичку, которая смогла пробудить в нем дремлющее, любящее сердце и убедила вернуться домой. Финальная свадебная моркинская мелодия исполняется в честь преодоления героем внутренних сомнений, как прославление героев-солдат, возвратившихся домой фронтовиков. В ней же звучит надежда на счастливое будущее героев произведения, а также страны в целом.

Символический музыкальный образ моркинских напевов выступает как постоянное фоновое сопровождение сюжетной пружины, а местами и как ее двигатель. Кроме того, по замечанию А. Александрова, в пьесе «повествуется не только о народной жизни, но и о судьбе национальной музыкальной культуры в суровые и полные глубокого трагизма военные годы» [1, 3].

Заглавие другой драмы М. Рыбакова «Венгерская рапсодия» («Венгр рапсодий», 1984) также связано с музыкальным образом-символом. В этом произведении писателя, как и во многих других, положительные качества героев, в частности персонажей-мужчин, соотносятся с поэзией, музыкой, природой.

В драме показаны глубокое чувство марийского солдата Истакова Миклая к молодой венгерке Марии, героизм наших солдат в годы Великой Отечественной войны. В прологе пьесы действие разворачивается на венгерской земле в апреле 1945 г.: около реки Раба Миклай, командир группы, теряет в неравном бою четырнадцать своих товарищей. Его самого, тяжело раненного, находят и выхаживает Мария. Между ними «вспыхивает» любовь. Муж женщины, прислуживающий в качестве жандарма немцам, стреляет в соперника. Чтобы спасти любимого, Мария загораживает его от пули.

Миклаю, раненному, контуженному, удалось выжить и вернуться на родину. Лишь через сорок лет, когда к нему возвращается память, он, сдержав слово, приезжает на венгерскую землю. Все эти долгие годы рапсодия любви звучала в сердце Истакова. Она поддерживала и согревала его в наиболее труд-

ные моменты жизни. В глубине души он помнил и продолжал чтить подвиг возлюбленной, восставшей против мужа и спасшей его.

Венгерская рапсодия – это не только символ памяти о доблестных советских солдатах, освобождавших Венгрию от вражеских сил. Одновременно она прославляет великое чувство любви, способное выдержать нелегкие испытания судьбы, выпавшие на долю марийского фронтовика. Таким образом, символические образы в драматургии М. Рыбакова о Великой Отечественной войне помогают раскрыть внутренний мир персонажей-мужчин, выявить интерес писателя к общему в разных лицах, к социальной психологии. Они являются эквивалентом нравственной сути героев пьес, их эмоционального состояния, оповещают о грядущих переменах в жизни, по ним угадывается дальнейший ход сюжетной линии.

Поступила 05.06.2015

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. Александров, А. Напевы моркинской стороны // Марийская правда. – 1975. – 17 мая.
2. Бояринова, Г. Н. Проблема характера в современной марийской драматургии : дис. ... канд. филол. наук / Г. Н. Бояринова. – Чебоксары, 2000. – 165 с.
3. Иванов, А. Е. Марийская драматургия : основные этапы развития / А. Е. Иванов. – Йошкар-Ола : Марийское книжное издательство, 1969. – 276 с.
4. Рыбаков, М. Кинд е: пьеса-влак / М. Рыбаков. – Йошкар-Ола : Книгам лукшо марий издательство, 1973. – 212 с.
5. Рыбаков, М. Чодыра мүй : пьеса-влак / М. Рыбаков. – Йошкар-Ола : Марийское книжное издательство, 1982. – 268 с.
6. Ситников, К. И. Словарь марийской мифологии. Т. 1. Боги, духи, герои / авт.-сост. К. И. Ситников. – Йошкар-Ола, 2006. – 160 с.
7. Шкалина, Г. Е. Традиционная культура народа мари : монография / Г. Е. Шкалина. – Йошкар-Ола, 2002. – 159 с.
1. Aleksandrov, A. (1975) Tunes of Morkinsk side, Mari Pravda, 17 May, 1975.
2. Boyarinova, G. (2000) Problem of Mari character in modern drama, thesis for Candidate Sc. {Philology}, Cheboksary.
3. Ivanov, A. (1969) Mari drama: the main stages of development, Yoshkar-Ola: Mari Press.
4. Rybakov, M. (1973) Kindu: play-vlak, Yoshkar-Ola: Bk. Luksho Mari Press.
5. Rybakov, M. (1982) Chodyra mÿy: play-vlak, Yoshkar-Ola: Mari Press.
6. Sitnikov, K. (2006) Dictionary of Mari mythology, Vol. 1, Gods, Spirits, Heroes, Yoshkar-Ola.
7. Shkalina, G. (2002) Traditional culture of the Mari, monograph, Yoshkar-Ola: Mari State University, Department of Culture and Arts.